

Чу Ханьюэ вскинул руку и закрыл ладонью рот Цинь Фэна, пресекая попытку поцелуя.

— Ты просто ищешь любой повод, чтобы... снова заняться этим. В тебе нет ничего от божества, один лишь дикий зверь, идущий на поводу у инстинктов.

Цинь Фэн перехватил его руку, запечатлел поцелуй в самом центре ладони и, смеясь, вновь придвинулся, коснувшись губами кончика носа наставника. Каждый раз, когда он целовал его, Чу Ханьюэ напряженно зажмурился, а мгновение спустя, стараясь сохранить лицо, открывал глаза и смотрел на него с напускной холодностью, будто ничего не произошло.

— Ты слишком прекрасен, — прошептал Цинь Фэн. Заметив, как тот нахмурился, он сел и потянул Чу Ханьюэ к себе на колени. Он обнял его, вдыхая аромат волос — каждая их встреча вызывала у Цинь Фэна непреодолимое желание близости. — Любой на моем месте превратился бы в зверя. А те, кто ведут себя иначе, просто не смеют и помыслить о подобном.

Чу Ханьюэ было непривычно. Он с самого детства не знал, что значит вот так сидеть в чьих-то объятиях. Краска смущения залила его лицо, он неловко заерзал, пытаясь высвободиться, но Цинь Фэн крепко удерживал его. Почувствовав, как чужая ладонь бесстыдно заскользила по одежде, распутывая пояс, Ханьюэ ощутил, как по коже пробежал мороз.

— Что ты делаешь? — выдохнул он.

— Лежа неудобно, я боюсь придавить тебя, — Цинь Фэн лукаво прищурился. — Почему бы нам не попробовать новую позу?

— Ты...

Чу Ханьюэ хотел было разразиться гневной отповедью, но голос предательски дрогнул и сорвался на стон. Он поспешно прикусил губу.

Цинь Фэн подхватил прядь его волос и поднес к лицу. Он был одержим запахом Ханьюэ — этот аромат дурманил его, доводил до безумия, заставляя желать лишь одного: впитать этого человека в себя, стать с ним единым целым.

Он перехватил беспорядочно мечущиеся руки Чу Ханьюэ и прижал их к своей груди. Их горячее дыхание смешалось. Сегодняшняя ночь была иной, более неистойвой, чем прежде; когда Цинь Фэн опустил взгляд, он увидел, что лицо Ханьюэ влажно от слез.

Чу Ханьюэ редко улыбался и почти никогда не плакал. Цинь Фэн видел это впервые — слезы не от боли, а от невыносимого, бьющего через край чувства. Пылающий румянец на щеках придавал ему роковую, почти болезненную красоту, которая была ему совершенно не свойственна. Эта картина навечно врезалась в память Цинь Фэна; даже спустя годы одно лишь воспоминание о ней заставляло его сердце трепетать.

***

На следующее утро Чу Ханьюэ проснулся в состоянии странной истомы. На его лице все еще играл отблеск ночной страсти.

Впервые он не вскочил с постели с первыми лучами солнца, а лениво, подобно коту, свернулся под одеялом, смакуя обрывки ночных видений. До сих пор ничто в его жизни не могло сравниться с этим вкусом. Неудивительно, что простые смертные так одержимы земными радостями — он и сам, в конце концов, был лишь человеком, неспособным совладать с собой.

Окончательно придя в себя, он тут же упрекнул себя за эти мысли. Подобная слабость духа ведет лишь к упадку. Он всегда был строг к другим, а значит, к самому себе должен быть беспощаден вдвойне.

Чу Ханьюэ поднялся, принял ледяной душ и несколько раз прочитал Заклинание очищения сердца. Выходя из комнаты, он заметил портрет Бессмертного почтенного, который всего пару дней назад повесил на стену. Недолго думая, он снял его, запихнул в шкаф и на этот раз запер на замок.

Когда он вышел во двор, ученики вместе с черной змеей уже сидели за столом, поджидая его к завтраку.

— Бессмертный господин Чу, вы сегодня снова припозднились! — воскликнул змей и тут же получил от Цинь Фэна чувствительный пинок под столом. Огрызнувшись, он поднялся, чтобы отодвинуть стул для Ханьюэ, и елейно добавил: — О, почтенный господин, ваша кожа в последнее время стала такой сияющей! Вы втайне принимаете какие-то чудесные пилюли?

Цинь Фэн, услышав это, поперхнулся рисом. Он-то знал, что никакое лекарство не сравнится с той божественной силой, которую он вливал в наставника каждую ночь.

Чу Ханьюэ на мгновение замялся. Заметив, что Цинь Фэн закашлялся, он поспешил перевести тему и, подойдя к нему, слегка постучал по спине.

— Будь осторожнее. Ведешь себя хуже младших братьев.

За последние дни дети успели привыкнуть к Цинь Фэну. Поняв, что он вовсе не так страшен, как кажется, они перестали его бояться. Уплетая еду за обе щеки, они наперебой затараторили:

— Старший брат, наставник учил нас жевать медленно и не спешить. Мы-то все усвоили, почему же ты никак не запомнишь?

Цинь Фэн хотел было проучить их, постучав палочками по макушкам, но, поймав на себе

заботливый взгляд Чу Ханьюэ, сдержался. Он лишь молча уткнулся в свою миску.

Раньше Чу Ханьюэ этого не замечал, но теперь он видел: он относится к Цинь Фэну с куда большим вниманием, чем к остальным. Он был терпеливее в обучении, а когда Цинь Фэн совершал ошибки, удары по ладоням всегда были легче, чем у других. Цинь Фэн начал всерьез подозревать, что наставник к нему небезразличен. Это его пугало: чтобы не наставить самому себе рога, ему определенно следовало держаться от Чу Ханьюэ подальше.

Сам Чу Ханьюэ и не догадывался о его терзаниях. Решив, что Цинь Фэн просто расстроился из-за насмешек детей, он не стал придавать этому значения и приступил к трапезе.

Когда-то он всегда был один. Позже у него появился единственный ученик, а теперь их было шестеро, не считая приبلудного змеиноного демона. В те моменты, когда он не запрещал им говорить, двор наполнялся неумолкаемым щебетом и смехом. Редкое для этих мест оживление.

Однако он заметил, что в их общих беседах для него нет места. Раньше Цинь Фэн постоянно крутился рядом, стараясь завязать разговор, теперь же он почти не искал его общества, а порой и вовсе избегал.

Сначала Ханьюэ списывал это на обычные капризы, но те не длятся так долго. Прежде Цинь Фэн, если и обижался, всегда давал об этом знать самым нелепым и очевидным образом.

«Неужели он просто вырос и больше не нуждается в моей опеке?» — подумал он.

Раньше эта навязчивость его утомляла, но теперь он чувствовал укол одиночества, словно родитель, чье дитя внезапно покинуло родное гнездо. Его рука невольно коснулась живота. Уйдут ли и те, кто внутри него, когда придет срок?..

Осознав, что снова гладит себя по животу, он резко отдернул руку и сжал кулак, положив его на стол. Его мысли путались. Он снова вспомнил слова Бессмертного почтенного о том, что такой человек, как он, не может не нравиться. Ночью он не нашёл, что возразить, однако за всю свою жизнь он не знал никого, кто бы по-настоящему его любил.

Люди не любили его. Они его избегали. Даже собственные ученики, хоть и проявляли почтение, держались на расстоянии. Наблюдая за тем, как весело и непринужденно его младшие братья общаются со своими подопечными, он чувствовал глухую зависть.

— Наставник, чему мы будем учиться сегодня? — спросил Чэнь Линь, откладывая палочки.

— Как успехи с тем, что я показывал вчера? — Чу Ханьюэ заставил себя сосредоточиться. — Повтори пройденное. Цяо Цяньли, займись с младшим братом изучением Правил секты. Цинь Фэн, сегодня я научу тебя полету на мече.

Цинь Фэн проглотил последний кусок риса:

— Слушаюсь, наставник.

— Ты уже привык к высоте, страха быть не должно. Заклинания ты знаешь назубок, осталась практика.

Чу Ханьюэ привык обучать его, что называется, «пошагово», и в этот раз он тоже собирался встать на меч вместе с ним. Но Цинь Фэн внезапно воспротивился:

— Наставник, позвольте мне попробовать самому.

— Нельзя, — Чу Ханьюэ покачал головой. — Без опыта легко сорваться. Сначала потренируемся вместе, и только когда наберешься уверенности, будешь летать один.

— Ну хорошо... — Цинь Фэн встал впереди. Почувствовав за спиной тепло наставника и его оберегающие руки, он ощутил, как знакомый аромат вновь кружит голову. В памяти тут же всплыл образ рыдающего в его объятиях Ханьюэ. Кровь прилила к низу живота. Он в ужасе опустил взгляд — к счастью, широкие одежды скрывали его состояние. Внезапно он потерял равновесие и, покачнувшись, всем телом навалился на Чу Ханьюэ.

В этом смертном теле он был довольно худощав и в объятиях наставника казался совсем хрупким, тогда как Чу Ханьюэ выглядел на его фоне статным и сильным.

Ханьюэ крепко обхватил его за талию, удерживая на мече:

— Не отвлекайся.

— Да! — Цинь Фэн неловко попытался выпрямиться, но Чу Ханьюэ не отпускал его. — Наставник?..

— Ты слишком неосторожен. Я придержу тебя.

Чу Ханьюэ заставил меч подняться еще выше. Для Цинь Фэна, и без того распаленного близостью, это было уже слишком.

— Наставник, право, лучше я сам.

Эта резкая попытка отстраниться заставила Чу Ханьюэ замереть. Он нахмурился и тут же направил меч к земле.

— Хочешь сам — воля твоя. Только не взлетай слишком высоко, пока не освоишься.

Заметив, что Ханьюэ собирается уйти, Цинь Фэн окликнул его:

— Наставник, вы куда?

— Пойду проверю, как дела у Чэнь Линя.

Цинь Фэн опешил. Он совсем забыл, что он здесь не единственный ученик. Он так пекся о том, чтобы не наставить себе рога, что не подумал о другом: если он отвергнет Ханьюэ, тот может просто переключить внимание на кого-то другого. Нет, уж лучше он сам!

Он притворно покачнулся, соскользнул с меча и, мешком рухнув на землю, жалобно ухватился за рукав Чу Ханьюэ:

— Наставник, я передумал! Кажется, у меня ничего не получается. Пожалуйста, придержите меня.

Чу Ханьюэ до боли сжал кулаки. Глядя на это притворное смирение, он решил, что ученик просто издевается над ним.

— Тренируйся сам. Позовешь, когда закончишь, — холодно бросил он, вырвал рукав и ушел прочь.

Цинь Фэн понял, что наставник разгневан, но не мог взять в толк, чем именно его задел. Он бросился следом:

— Наставник! Наставник, я виноват! Вы сердитесь, потому что я такой бестолковый?

— Нет.

Видя, что Цинь Фэн снова липнет к нему, Чу Ханьюэ не знал, верить ему или нет, и даже не оборачивался. К счастью, в этот момент к нему подошел Лянь Гуанмань. Пользуясь случаем, Ханьюэ захлопнул дверь перед носом ученика и остался с главой секты наедине.

— Старший брат, в маленьком городке к югу от Горы Юньцзянь объявился призрак. Местные прислали письмо с просьбой о помощи, — Лянь Гуанмань протянул свиток.

Чу Ханьюэ ожидал прочесть о могущественном демоне, но, пробежав глазами строки, обнаружил, что дух уже пойман и запечатан. Однако его обида на мир живых была столь велика, что печати едва сдерживали злобу; требовался кто-то из Юньцзянь, чтобы упокоить

душу.

— С этим справится любой. Почему пришли ко мне? — недоуменно спросил Ханьюэ.

Лянь Гуанмань замаялся, выглядя довольно смущенным:

— Видишь ли... дело в том, что призрак этот весьма специфический.

— В чем же его особенность?

— При жизни эта женщина была обительницей Терема Ветра и Луны, и сейчас она запечатана прямо в стенах борделя. Я боюсь посылать туда других. Наши младшие братья и так только и мечтают, как бы улизнуть в Юньцзянь да погулять по теремам, а если я их сам туда отправлю — беды не миновать.

Глава секты с глубоким доверием посмотрел на Чу Ханьюэ:

— Только ты другой. Тебя не прельстить подобными... кхм... Тебя невозможно соблазнить. Твоя выдержка безупречна.

Чу Ханьюэ вспомнил прошлую ночь. Его выдержка была далека от безупречной — сначала он сопротивлялся, но потом сам же отдался во власть чувств, а утром еще долго и счастливо предавался воспоминаниям.

Он прижал кулак к губам и негромко кашлянул:

— Хорошо. Я отправлюсь завтра.

— Только не бери с собой старших учеников, — напутствовал Лянь Гуанмань. — Они парни молодые, кровь кипит. Возьми лучше этого, Цинь Фэна. Он не из Горы Юньцзянь, так что если и нарушит какие правила — не страшно.

<http://bllate.org/book/17570/1662585>